

Алекс Мома

**Лекция о «Пистис Софии»,
прочитанная в петербургском клубе «Парсифаль»
15 июля 2018 года**

Генеральный спонсор моего пребывания здесь и моей сегодняшней лекции Максим Вялков просил передать всем присутствующим свою просьбу помолиться Айвассу о скорейшей легализации однополых браков в РФ. С удовольствием присоединяюсь к этой просьбе.

÷ ÷ ÷

Трактат «Пистис София» («Вера–Премудрость»), являющийся изложением вымышленной беседы Иисуса с его ближайшими учениками и составляющий целиком Кодекс Эскью, – самый длинный из существующих раннехристианских гностических текстов и самый поздний. Его несохранившийся греческий оригинал принято датировать концом 3-го века, а коптский перевод – первой половиной 4-го (при этом опись Британского музея, где хранится по сей день так и не изданный факсимильным способом оригинал этого коптского перевода, фантастическим образом датирует его 6-м веком нашей эры). Оригинал текста был написан в Египте, доказательством чему служит то, что в нем присутствуют ссылки на египетский календарь, а также на специфически египетские мифологические имена и идеи.

Поначалу, с 1770-х годов, когда трактат обнаружился в Британии, и до конца 19-го века, ученые считали, что текст был написан чуть ли не самим «великим и ужасным гностиком 2-го века» Валентином, однако от этой идеи пришлось быстро отказаться, поскольку в тексте присутствуют обратные заимствования у зрелой уже на момент его написания христианской ортодоксии, например, гораздо более обильные, чем в любом из более ранних гностических текстов, ссылки на тексты Ветхого Завета, особенно Псалтирь, а также пара ссылок на гностические «Две Книги Иеу», которые, в свою очередь, были продуктом обратного заимствования и христианизации герметических текстов, особенно Пэмандра (а позднеантичный герметизм как раз и вырос из уже сформировавшегося гностического мифа, из которого он выбросил самое главное – христианство и дуалистическое мировоззрение). Валентин творил ближе к середине 2-го века, когда ничего подобного еще и быть не могло.

Другое дело – поздние валентиниане, которым и принадлежит наш текст, как, к слову, последователям Валентина и его непосредственных учеников принадлежат и почти все именно *гностические* тексты из коптской Библиотеки Наг-Хаммади (обнаруженной на 175 лет позже Пистис Софии, в 1945 году), коптские переводы несохранившихся греческих протографов которых датируются также началом 4-го века. Здесь следует учесть то обстоятельство, что Школа Валентина существовала более столетия и была огромной по числу адептов, причем у каждого из влиятельных учеников Валентина, типа Марка, Секунда и других, были еще и свои ученики, и не в одном поколении. Для сравнения: великий предтеча Валентина, Василид, оставил после себя лишь двух-трех последователей, которые, в свою очередь, в доктринальном отношении оказались своего рода чайлд-фри.

В отличие, как минимум, от половины текстов из Библиотеки Наг-Хаммади, наш трактат почти идеально сохранился, лакун в нем крайне мало, если не считать целых восьми утраченных страниц в т.н. «4-й Книге Пистис Софии», о которой – чуть позже. Именно в силу хорошей сохранности текста мы и можем утверждать, что его космология, пусть и откровенно насыщенная «фигурами умолчания» уже в самой первой главе, всецело

валентинианская, как мы знаем ее по описаниям т.н. отцов церкви, начиная с Иринея: там присутствует и сугубо валентинианская развертка софийного мифа, и протоархонт Иалдабаоф, и магические изыскания поздних валентиниан (особенно в т.н. 4-й Книге, подчеркнута магичной), причем некоторые мелкие детали повествования космологического толка выдают руку именно валентинианина, а не какого-то мифического «офита» или не менее мифического «Барбело-гностика» (не забудем, что ересиологи множили «гностические секты» в собственном воображении вполне сознательно, чтобы «доказать»: у гностиков не гетеродоксия, а «полный хаос», заслуживающий лишь одного противодействия – единой «вселенской церкви»). В то же время нельзя не отметить, что сам факт многочисленных заимствований авторами 1–3 и 4-й книг трактата чужих, не валентинианских, идей (вроде тех, что присутствуют в «Книгах Иеу», в манихейских «Главах Учителя» – «Кефалайя», в уже имевших на тот момент широкое хождение новозаветных текстах или в иудейской Псалтири) свидетельствует о том, что текст написан в эпоху стремительного заката самостоятельной валентинианской гностической мысли.

«Пистис София» уникальна еще и в том отношении, что среди ее исследователей нет консенсуса относительно того, один это текст или два, условно объединенных в Кодексе Эскью под одним названием. Марианна Каземировна Трофимова (см. «Балканские чтения», М., 1994, стр. 46–47) склоняется к мысли, что текст един. Я же присоединяюсь к тем исследователям, которые полагают, что т.н. «4-я Книга Пистис Софии» (и последняя в Кодексе) является самостоятельным произведением – уже хотя бы потому, что повествование в ней как бы начинается «с нуля», тогда как содержание первых трех книг предельно последовательно. Скорее всего, она также хронологически была написана раньше, чем три первых книги «Пистис».

Еще одна уникальная черта этого текста. Почти все христианские трактаты, кроме большинства сохранных Маркионом посланий Павла (о которых [я уже рассказывал](#) и в Москве, в Библиотеке А.Ф. Лосева, и здесь, в «Парсифале», зимой прошлого года), являются псевдоэпиграфами или анонимными текстами, но при этом они пытаются изобразить какую-то историческую достоверность событий, в них описываемых, даже если эти тексты изобилуют разного рода «чудесами». Анонимный автор «Пистис Софии», точнее, трех ее первых книг, даже не пытался придать своему тексту вид исторически достоверного. Так, «Книги Иеу» у него были «написаны по указанию Иисуса Енохом в раю», в повествовании фигурирует апостол Павел, который на момент описываемых событий уже, конечно, жил, но в христианство еще не обратился; наконец, текст начинается с сообщения о том, что воскресший Иисус с момента восстания из мертвых провел 11 лет с учениками у подножия Масличной горы, во что поверить решительно невозможно. Правда, Е.П. Блаватская, буквально за пару месяцев до своей кончины написавшая большую статью о «Пистис Софии», где она раскрывает ее эзотерические шифры, считает, что «11 лет» – это всего лишь завуалированное указание на 11-й (т.е. преддверие высшего, 12-го) градус посвящения, дарованного Иисусом его ближайшим ученикам.

Отметим и еще одну любопытную деталь. «Пистис София» – единственный гностический текст, о котором склонны негативно отзываться наши современники-гностики как о излишне затянутом, избыточном повторами и очень нудном по стилю изложения. Текст разочаровал и многих русских поклонников христианской софиологии, которая, как известно, может быть не только гностической. Так, известный русский философ и мистик-софиолог Вл. С. Соловьев в конце 19-го столетия писал об этом трактате следующее:

«С половины настоящего столетия запас источников для истории древней христианской церкви обогатился тремя открытиями. То из них, которое, может быть, вызвало наиболее надежд и ожиданий, всего менее их оправдало: я разумею найденное на коптском языке гностическое сочинение, известное под греческим названием Πίστις Σοφία. О гностических учениях мы знали только то, что сообщалось их обличителями с целью опровержения, собственные же произведения этих еретиков были, как известно, беспощадно истреблены ревнителями благочестия. Понятно поэтому, какой интерес должно было возбудить открытие Πίστις Σοφία, в которой ожидали впервые услышать собственную речь гностиков. К сожалению, эта речь оказалась маловажной по своему содержанию. Это просто собрание нескольких однообразных и напыщенных гимнов и причитаний, связанных с обычною легендарною обстановкой всяких апокрифов. Автор этого произведения конечно менее всего думал излагать какое-нибудь гностическое учение, и сведения наши об этом предмете не обогатились ничем существенным с открытием Πίστις Σοφία.

Гораздо важнее и в этом отношении было открытие обширного сочинения св. Ипполита о ересях, коего небольшие отрывки, известные прежде, приписывались Оригену под названием φιλοσοφοῦμενα. Хотя мы и теперь не имеем этого сочинения в полном виде, однако открыта большая и важнейшая его часть, проливающая новый и ясный свет на некоторые основные пункты гностицизма, как то на учение родоначальников всех гностических ересей Симона, на учение офитов, в особенности же на систему Василида.

При всем том новооткрытое сочинение св. Ипполита несомненно уступает в интересе и значении третьему, последнему открытию в области древней христианской письменности, так называемому учению двенадцати апостолов (Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων). Этот малый по объему, но великий по содержанию памятник освещает и разъясняет нам не какие-нибудь частные стороны в развитии христианских или псевдо-христианских идей, а изображает само христианство, само живое тело церкви в один из интереснейших моментов ее существования».

(Соловьев В.С. Введение к «Дидахе». Цит. по: Козырев, Алексей Павлович. Соловьев и гностики. С. 54).

Однако ключ к разгадке этой «нудности» и прочих сопутствующих неприятностей для читателя заключается в том, что все существующие переводы текста на европейские языки, включая русский, не являются точными в смысле передачи не формального его содержания, но его стиля. Наиболее авторитетный на сегодняшний день российский исследователь гностицизма и переводчик гностических текстов петербуржец Дм. Алексеев, например, в одной из своих по сей день не обнародованных рукописей под названием «Пистис София как поэтический текст (на примере 8-й, 9-й и 10-й глав памятника)», написанной в 2009 году (копией которой я располагаю), считает, что «Пистис София» – поэтическое произведение, и потому неверно оценивать его, исходя из переводов, выполненных в манере прозаических религиозно-философских трактатов. Так, Алексеев ритмически расположил фрагмент русского перевода 96-й главы «Пистис Софии», выполненного М.К. Трофимовой в 1979 году, отметив как «совершенно очевидное», что «в прозе назойливые повторения не имеют смысла и только затрудняют восприятие текста». Итак, вот что у него получилось:

«Тот человек, который сию тайну неизреченного обретет
и станет совершенным во всех его типах и во всех его формах,
и есть человек, пребывающий в мире, но превосходит он всех ангелов
и превзойдет их еще более;

человек он, пребывающий в мире, но превосходит он всех архангелов
и превзойдет их еще более;

человек он, пребывающий в мире, но превосходит он всех тиранов
и превзойдет их еще более;

человек он, пребывающий в мире, но превосходит он всех господ
и над всеми ими себя возвысит;

человек он, пребывающий в мире, но превосходит он всех богов
и над всеми ими себя возвысит;

<...>

человек он, пребывающий в мире,
но восцарствует он со Мной в Моем царстве;

человек он, пребывающий в мире,
но царь он в свете;

человек он, пребывающий в мире,
но не от мира он».

Вслед за этим Алексеев привел собственный перевод начала 8-й главы «Пистис Софии», сделав «стихотворным» не только подстрочник, но и само построение русских фраз:

«Продолжил вновь Иисус в слове, сказал:

И было после этого по повелению первого Таинства,

Я вновь посмотрел вниз на мир человечества, Я нашел Марию,

ту, которую называют Моей матерью по телу вещественному,

Я вновь говорил с ней по образу Гавриила,

и когда она обратилась ввысь, ко Мне, Я бросил в нее первую силу,

которую я получил от Барбело,

то есть тело, которое Я носил в выси,

и вместо души я бросил в нее силу,

которую я получил от великого Саваофа, Благого,

пребывающего в месте правой стороны.

<...>

К слову, в этой рукописи автор отметил (с приведением цитаты), что волей-неволей местами и мне в собственной интерпретации трактата удалось передать поэтический ритм, наполняющий его. А ведь как раз примерно в этом и заключается идея литературного перевода трактата, осуществленного и мною (по «идейным стопам» соратника Е.П. Блаватской Джорджа Мида, опубликовавшего когда-то его английский литературный перевод) 9–10 лет назад, а теперь доработанного (в основном, в части примечаний) и [опубликованного](http://xpectoc.com) на сайте xpectoc.com. Идея эта – раскрыть те грани текста, которые остались затусшеванными в строго академичных переводах.

Кстати, о таковых переводах. Чтобы не утомлять вас перечислением многочисленных переводов трактата на европейские языки, среди которых был даже «вторичный литературный»* перевод на финский язык (подписанный лишь инициалами Р.Е.) за 1927 год, назову русские академические переводы: это работа Аллы Ивановны Еланской, вышедшая в 2004 году в сборнике ее переводов под названием «Премудрость Иисуса Христа» (глава «Вера-Премудрость»), а также не обнародованный полностью и по сей день, но публиковавшийся в ряде научных журналов и книжных сборников некоторыми разрозненными главами перевод М.К. Трофимовой, из публикаций которой я бы особо рекомендовал обратить внимание на перевод глав 1-31 в сборнике «Балканские чтения»

1994 года, стр. 233–270 и блестяще откомментированный перевод т.н. «4-й книги Пистис Софии» в «Вестнике древней истории» – №4 за 1999 год и №1 за 2000 год (всё это давно уже выложено и «в цифре»).

Однако не могу не высказать и своего субъективного мнения по поводу любых переводов коптских текстов на русский язык. Все они, скорее, являются интерпретациями данных трактатов, но не их переводами в строгом смысле слова. По очень простой и ясной причине: и по сей день не существует в природе ни одного коптско-русского словаря, при помощи которого могли бы максимально адекватным образом делаться подобные переводы. В наше время почти все переводчики пользуются оксфордским словарем Вальтера Крама (1939 г.), то есть, по сути дела, осуществляют двойной перевод – через английскую интерпретацию коптских слов.

Теперь я попытаюсь (насколько это возможно, кратко) окинуть взором содержание этого внушительного трактата, чтобы вам было понятно, о чем в нем в принципе идет речь.

Книги 1–3.

В начале текста мы видим краткий, преимущественно «апофатический» обзор валентинианской космологии, вложенной в уста Иисуса, проповеданной Им ученикам Его после воскресения из мертвых. На Масличной горе, в присутствии учеников, на Иисуса нисходит Сила Света; описывается восхождение и нисхождение Иисуса. Затем Иисус облачается в свои Одеяния Света, описывается Его перевоплощение или, если угодно, преображение. Далее разговор идет о реинкарнации Иоанна Крестителя и учеников. Спаситель обстоятельно рассказывает ученикам о Своем восхождении, которое Он совершил, облачившись в Одеяние Света. Падшие Эоны начинают воевать против Света, однако скоро лишаются силы, позволяющей им вести такую войну.

Мария Магдалина толкует происходящие события, рассказанные Иисусом, с помощью 19-й главы библейской «Книги пророка Исая», после чего Иисус отвечает на многочисленные вопросы Марии и Филиппа. Затем Он еще раз подробно рассказывает ученикам о Своем следовании через Эоны в облачении Одеяния Света. Он говорит о том, как обнаружил Пистис Софию «ниже 13-го Эона» и облачил ее, чтобы помочь ей выбраться оттуда, в Одеяние Света. После этого Пистис София покидает область 13-го Эона (Эона «психиков», или «душевных», т.е. своего рода «подбрюшье» Плеромы).

Иисус говорит затем о покаянных гимнах Пистис Софии, давая ученикам возможность публично истолковывать их с помощью библейских Псалмов. Далее следует описание последствий этих гимнов для Пистис Софии и других персонажей этой космической драмы. Кроме того, Иисус рассказывает о том, как после седьмого, «переломного» покаяния, Он забирает Пистис Софию в другое место Хаоса, не столь опасное для нее, а в Главе 52 Он говорит о том, что после 9-го покаяния Пистис Софии Он начал процесс извлечения ее из Хаоса вообще. После этого Иисус вновь подробно описывает ту помощь, которую Он оказывал томящейся в Хаосе Пистис Софии, вызволяя ее оттуда в более возвышенные места. Пистис София поет теперь уже хвалебные гимны (или благодарственные молитвы), которые Саломея истолковывает с помощью Од Соломона (5-я Ода).

Вслед за этим Иисус описывает Свою Силу Света, которая сделалась Венцом Света для Пистис Софии. Мария, мать Иисуса, объясняет это с помощью 19-й (в доступной нам сирийской версии – 1-й) Оды Соломона, после чего вновь рассказывает ученикам о процессе спасения Пистис Софии. Спаситель привлекает себе на помощь две Силы Света,

которые становятся Великим Излиянием Света. Мария Магдалина объясняет сей процесс, цитируя 84-й Псалом Давида и описывая эпизод в детстве Иисуса, когда Ему на помощь пришел Его же собственный Дух. Цитируются, в порядке экзегезы, также новозаветные Евангелия от Матфея (Мф. 3.13) и от Луки (Лк. 1.39 – то есть, автор трактата использовал уже не «Евангелие Господне», сохраненное Маркионом, а более позднего «Луку», составленного на основе первого уже во второй половине II века). В этой Главе, в частности, свое истолкование описанных выше событий дает Иоанн, цитируя 84-й Псалом Давида.

Дальнейшее повествование принимает уже более мистическую окраску: Иисус напрямую отождествляется с Первой Тайной, которая рассказывает о том, как Пистис София обретает спасение при помощи двух Сил Света, становящихся Излиянием Света. Михаил и Гавриил приносят этот Свет в Хаос с целью просветления последнего. Петр толкует описываемые события при помощи 6-й Оды Соломона. Первая Тайна (т.е. Иисус) описывает затем те горести, которые претерпевает Пистис София от Ауфадеса (Дерзкого) и Адамаса-Деспота, которым удается временно отбить Пистис Софию у Света и задержать ее в пограничных областях Хаоса. Пистис София начинает молить о помощи, и тогда Михаил и Гавриил, посланные ей в помощь, вызволяют ее из Хаоса, а Излияние Света становится ее Венцом. Пистис София и Первая Тайна попирают персонифицированные низшие силы Хаоса, а апостол Иаков истолковывает эти события при помощи 90-го Псалма Давида.

Затем Первая Тайна подробно описывает хвалебные гимны, которые пропела Свету Пистис София в благодарность за свое спасение и освобождение из Хаоса. Ученики дают свое истолкование содержанию этих гимнов, цитируя как канонические библейские Псалмы Давида, так и «апокрифические» Оды Соломона. Пистис София продолжает оставаться в местах ниже 13-го Эона, но Первая Тайна вновь говорит о ее перемещениях в пределах этого пространства, т.е. явно о том, что ее переносят всё выше. Иисус кратко затрагивает тему «исполнения Трех Времен» (причем до того, как они настанут, Пистис Софию оставляют в местах, находящихся ниже 13-го Эона). Первая Тайна рассказывает также о том, что прежде, чем она получила свое второе по счету Одевание Света, сбывается Ее пророчество о том, что Адамас-Деспот начинает «огорчать» Пистис Софию и преследовать ее, и она взывает о помощи Света, воспевая его. Данные события истолковывает апостол Иаков при помощи 7-го Псалма Давида. Затем Первая Тайна рассказывает о том, что Пистис София говорила «огорченным» ее Адамасу и его Архонтам, пытавшимся вновь низвергнуть ее в Хаос, а также о ее гимне Свету с просьбой о помощи. Вслед за этим Марфа толкует описываемые события с помощью 7-го Псалма Давида.

Иисус далее рассказывает ученикам о том, как Он забрал Пистис Софию из «низших мест» непосредственно в 13-й Эон. Пистис София завоевывает признание 24-х Невидимых, она поет хвалебный гимн в знак благодарности за свое освобождение. Эти события толкует апостол Филипп, цитируя 106-й Псалом Давида, и на этом заканчивается (начавшаяся в Главе 32 нашего текста) осуществленная учениками Иисуса при помощи Псалмов Давида и Од Соломона экзегеза, т.е. объяснение драмы, происходившей с Пистис Софией в низших областях, граничащих с 13-м Эоном.

В дальнейшем развитии повествования Иисус отвечает на вопросы учеников, касающиеся 24-х Невидимых, о превосходстве душ, стяжавших таинства еще в этом мире, над душами, изначально пребывавшими в Сокровищнице Света. Далее следует подробный рассказ о грядущем положении Двенадцати Спасителей, Аминь, Деревьев и т.п. (замечу, что «Печати» и «Деревья» в данном случае – элементы манихейской космологии,

представленной в тексте «Кефалайя», ровно 20 лет назад переведенном на русский язык), причем в Главах 89–90 следует еще и подробный рассказ Иисуса о таинственной природе Пяти Помощников и об их уникальном и неизмеримом величии, и этот рассказ увязывается пронизывающей весь текст сотериологической (т.е. душеспасительной) темой. Иисус также говорит о чинах, которых могут достичь души согласно таинствам, которые им удалось стяжать.

Следует еще один рассказ о «Чинах», в которые могут проследовать спасенные Гнозисом души. Его сменяет повествование о тех, кто стяжали Тайну Несказанного, и о том, что эта Тайна является источником всякого Гнозиса. Ученики приходят в отчаяние и замешательство, но Иисус объясняет им, что именно эта Тайна является легко достижимой для тех, кто отрекся от мира сего, затем следует еще один рассказ о познании этой Тайны. Иисус говорит ученикам, что души, стяжавшие эту Тайну, беспрепятственно восходят в Вышину и становятся ее соправителями, наряду с Самим Иисусом.

В развитие сюжета Иисус отвечает на вопросы учеников, касающиеся Тайн Несказанного, Двенадцати Тайн одной лишь Первой Тайны и Тайн Света, Он говорит о том, что люди должны очиститься посредством этих Тайн. Кроме того, Он отвечает на вопрос удивленного Андрея о том, как же смогут люди, прежде чем унаследовать Царствие, пройти через всё то огромное количество препятствий на небесах, о которых говорилось в предыдущих главах. На это Иисус, поначалу в весьма резкой форме, отвечает, что сложно не понять этого, поскольку, прежде всего, человек и все сущности более высокого порядка имеют одну и ту же природу. Далее следует рассказ о том, как ученики смогут унаследовать Царствие Света.

Затем Иисус разъясняет ученикам необходимость спасения от наказаний Преисподней путем отречения от мира и его качеств. Говорит Он и о необходимости проповеди в миру, о тех средствах, которые позволят ученикам следовать в Царствие Света. Он отвечает на вопросы учеников, касающиеся прощения грехов в связи с рассматриваемыми в ходе беседы таинствами. Иисус рассуждает о Силе, Душе и Духе Обманчивом, который подталкивает людей ко греху, говорит об оковах, наложенных на душу Духом Обманчивым и Мойрой и об эффективности таинств, призванных разрубить эти оковы. Мария истолковывает слова Иисуса, цитируя новозаветные Евангелия и Послание ап. Павла (!) к римлянам.

После этого Иисус отвечает на вопросы учеников о действенности таинств с точки зрения прощения грехов. Ученики истолковывают объяснения Спасителя с помощью цитат из новозаветных Евангелий и двух коротких фраз из 31-го Псалма Давида. Иисус отвечает на вопрос Марии о внешней тьме и местах наказания душ, не очищенных от грехов, в частности, рассказывая о Драконе, держащем во рту собственный хвост и контролирующем Двенадцать Палат с архонтами в них, приводя затем имена архонтов каждой из этих Палат. Затем Он отвечает на вопросы Марии и Саломеи; рассказывая также о Драконе Тьмы Внешней, о привязке души к архонтам Имармены, об Обманчивом Духе и Мойре, об освобождении от этих уз посредством таинств, а также о душах патриархов и пророков.

Книга IV.

Текст открывается ритуальной молитвой Иисуса, произнесенной Им сразу после Его воскресения посреди учеников, после чего следует описание разного рода духовных баталий на небесах и в мире. Затем Спаситель объясняет разделение архонтов согласно исполнению ими черномagicеских таинств сексуального характера. Следуют рассказы о

пяти архонтах, которые истолковываются как персонификации планет, и о пяти других архонтах, побуждающих людей к бесчестию и ведущих их к гибели их душ. Иисус рассуждает с учениками об очищении душ, говорит об идентичности т.н. Эонов Сферы знакам Зодиака, говорит о посмертных мучениях душ нераскаянных грешников.

Затем мы видим рассказ анонимного автора трактата о том, как ученики видят огонь, воду, вино и кровь, о прощающих грехи Таинствах Света, которые Иисус привнес в мир. Описывается следующий за этим магический ритуал с использованием огня, виноградных лоз, воды и хлебов. Иисус молится Отцу Своему о прощении учеников, вслед за этим повествование идет о таинствах крещения огнем, водой и Духом. Затем, после большой лакуны, Иисус отвечает на вопросы учеников, касающиеся наказания за различные виды грехов. В конце «4-й книги» ученики возносят к Иисусу, названному их Спасителем и Светом, молитву о спасении их душ.

÷ ÷ ÷

Теперь перейдем к главной отличительной черте этого текста не только от других гностических первоисточников, но и, пожалуй, от всех раннехристианских текстов вообще, и поговорим о той особой роли, которую играет в нем Мария Магдалина. То, что Мария играла особую роль среди учеников Иисуса (что породило уже среди ряда современных исследователей необоснованные спекуляции о том, что Иисусу она якобы являлась «женой»), было видно и по другим текстам, например, по составленному из ранних логий-речений Спасителя «Евангелию от Фомы», где, как и в нашем трактате, описана сцена некоей ревности, которую устроил ап. Петр Иисусу из-за того, что Мария говорит больше других, а сам Иисус этому потворствует. Любопытно, что в «Евангелии от Филиппа» из того же 2-го Кодекса собрания Наг-Хаммади, в котором находится и «Фома», однако написанного явно позднее «Фомы», эта сцена уже превращается в коллективное недоумение апостолов. Однако о содержании самих якобы имевших место бесед Марии с Иисусом в обоих текстах можно узнать до обидного мало. Тем не менее, об особой роли Марии среди учеников Иисуса мы можем узнать также из гностического «Диалога Спасителя» (Наг-Хаммади, III, 5), где она названа «женщиной, которая знает Всё», а также из «Премудрости Иисуса Христа» (Наг-Хаммади, III, 4; Берлинский папирус 8502, 3), где Иисус общается с Марией как с одной из *семи* своих учениц, при сем также (вместе с мужчинами-учениками) присутствующих, но из этих семи в тексте цитируется поименно *только* Мария, причем дважды.

Косвенно (в силу плохой сохранности и краткости упоминаемого ниже текста) об особой роли этой ученицы свидетельствует и «Евангелие от Марии Магдалины» из «Берлинского папируса 8502», обнаруженного в 1896 году, но переведенного (сначала на немецкий) впервые лишь в 1955-м. Важная деталь: в этом кодексе – всего четыре текста, в том числе ключевой для всей гностической традиции (не считая «маркионитской» части оной) Апокриф Иоанна в его краткой версии, а также один из ключевых, по меньшей мере, в космологическом отношении текстов – «Премудрость Иисуса Христа», уже мною упомянутая. *И рядом с ними* – «Евангелие от Марии»...

Ряд исследователей полагают, что сцены противостояния Петра и Марии в «Евангелии от Фомы» и в нашем трактате лишь на экзотерическом уровне могут быть восприняты как «межгендерный конфликт» на духовной почве, тогда как эзотерически их следует толковать как конфликт между окрепшей христианской ортодоксией (олицетворяемой Петром) и уже более чем зрелым христианским гнозисом (олицетворяемым Марией), причем Иисус в этом конфликте, разумеется, на стороне гностиков, будучи их всевышним предстоятелем. Между прочим, эта исследовательская позиция резонна еще и потому, что

ортодоксальное христианство в течение почти всей своей истории дискриминировало женщин как на церковном, так и на мирском уровнях, что порой выражалось даже в таких диких и жестоких проявлениях, как массовые аутодафе «ведьм» и «колдуний» в средние века, к тому же, как правило, по абсолютно ложным, но обусловленным прямой корыстью доносам. Заметим, что маргинализация женщин в христианстве стала вполне зримо проявляться уже в 3-м веке (в отличие от первых двух), хотя тогда было еще далеко до политической победы ортодоксов над гностиками и близкими к ним «еретиками».

Но в «Пистис Софии» всё иначе, чем в упомянутых выше текстах. В ней не просто содержатся по большей части косвенные указания на то, что Мария как посвященная во гнозис играет среди учеников Иисуса особую роль – в тексте это напрямую доказывается ее диалогами со Спасителем. Дело еще и в том, что она говорит с Иисусом как минимум в Книгах 1–3 «Пистис Софии» чаще, чем все прочие присутствующие у Масличной горы в Иерусалиме его ученики, вместе взятые. Более того, именно ее разъяснения на духовные темы, включая толкования «Псалмов Давида» и апокрифических «Од Соломона», вызывают наибольшее одобрение самого Иисуса.

В тексте Мария нередко упоминается под именем Мариам (согласно подсчетам финского исследователя Антти Марьянена, 21 «Мариам» против 159 «Марий»), что давало повод некоторым малограмотным ересиологам, вроде Ипполита, явно не державшим в руках апокрифов с ее участием, упоминать ее как «Мариамну». Замечу, что речь в нашем тексте идет не только о похвалах в адрес Марии со стороны Иисуса и не только о том, что она причислялась (в чем нет ничего особенного, поскольку причислялась вместе с другими учениками) к роду людей-пневматиков, но и о ее особой трансформации непосредственно в процессе бесед у Масличной горы. Так, на стр. 199–200 коптского текста мы читаем: «И вот, случилось, (что) когда промолвила она сии слова, Спаситель сильно изумился ответам на вопросы, которые она дала, поскольку она *всецело стала Чистым Духом*».

Приведу ряд других примеров, свидетельствующих об особой роли Марии в тексте (не будем забывать и о том, что в нашем повествовании она не единственная женщина-ученик – там есть еще и Саломея, и Марфа, и Мария, мать Иисуса, причем появление последней явно свидетельствует о влиянии на текст преимущественно ортодоксально-христианских и «анти-маркионитских» представлений о «рождении» Иисуса и всего, с ним связанного). В тексте «Пистис Софии» Мария оказалась единственным учеником, отвечавшим на вопросы другого ученика (Саломеи) – стр. 338–339:

«Когда же Спаситель сказал всё это, поднялась Саломея. Она сказала: “Господь мой, если отцы наши – Архонты [явная отсылка к «Евангелию от Иоанна» с его «намекающей на Яхве» фразой «Ваш отец – дьявол» – *А.М.*], то как быть с тем, что написано в Законе Моисеевом: ‘Тот, кто оставит отца своего и мать свою, смертью умрет’? Не потому ли в Законе сказано об этом?” Когда же Саломея промолвила всё это, Сила Света взыграла в Марии Магдалине. Она (Мария Магдалина) сказала Спасителю: «Господь мой, вели мне, чтобы говорила я с сестрой моей, Саломеей, и чтобы я поведала ей истолкование слова, которое она изрекла”. Так вот, случилось, (что) когда Спаситель услышал слова, сказанные Марией (Магдалиной), Он охотно благословил ее. Спаситель ответил и сказал Марии: “Я велю тебе, Мария, истолковать слово, изреченное ею”».

Когда же Спаситель сказал всё это, Мария (Магдалина) предстала пред Саломеей, она обняла ее и молвила: “Сестра моя, Саломея, о том слове, которое изрекла ты, написано в Законе Моисеевом: ‘Тот, кто оставит Отца своего и мать свою, смертью умрет’. Вот, в час сей, сестра моя, Саломея, в Законе не говорилось (как) о душе, так и о теле, так и о Духе Обманчивом, ибо все они суть Сыновья Архонтов и вышли из них, но так в Законе

говорилось о Силе, вышедшей из Спасителя, которая сегодня является в нас Человеком Света. Закон говорил так: ‘Всякий, кто останется вне Спасителя, и Таинств его, и Отцов его, не только смертью умрет, но уничтожится уничтожением’...»

Стоит напомнить, что обычно на такие вопросы отвечал лишь Сам Иисус, но не Мария. Более того, в нашем тексте Мария даже истолковывала слова Самого Иисуса, обращенные Им к Филиппу (стр. 72):

«Вновь поднялась Мариам, она прошла (и встала) посреди (учеников, она) встала рядом с Филиппом, сказав Иисусу: “Господь мой, у Человека Света моего есть уши, и приготовилась я слышать через Силу мою. И я поняла то слово, которое изрек Ты. И вот, услышь, Господь мой, что говорю я открыто, ведь Ты говорил нам: ‘Имеющий уши, чтобы слышать, да услышит’. Что (же) до слова, которое Ты сказал Филиппу: ‘Ты, и Фома, и Матфей – те трое, кому дано было через Первую Тайну записать все слова Царствия Света и нести свидетельство им’, то услышь, как толкую я слова сии. А именно – те, о которых твоя Сила Света однажды пророчествовала через Моисея: ‘Через два и три свидетельства всё будет основано’. Эти три свидетельства – Филипп, и Фома, и Матфей”».

В трактате Мария также трижды задавала вопросы, касавшиеся не ее и не обсуждаемых аспектов учения, но ее соучеников-мужчин (стр. 201, 296 и 311). Примечателен также диалог на стр. 218–219, где сначала Мария, *и лишь вслед за ней Иисус* выводят учеников из состояния глубокой тоски и чувства безысходности, вызванной ощущением невозможности быть сопричастными к Таинствам Несказанного:

«...когда ученики услышали эти слова, сказанные Иисусом, они погрузились в себя и окончательно отчаялись. И вышла вперед Мария Магдалина. Она припала к ногам Иисуса и поклонилась Ему. И взалкала, заплакав, и промолвила: “Смилуйся надо мною, Господь мой, ведь братья мои услышали (всё) и отчаялись из-за тех слов, которые Ты сказал им. И вот, в час сей, Господь мой, что касается знания всех этих слов, сказанных Тобою нам, что ‘они в Тайне Несказанного’, но я слышала Твои (слова): ‘Отныне начну Я рассказывать вам обо всём Знании Тайны Несказанного’ – так вот, (я говорю о) сей речи, которую Ты глаголешь, – не пришло ли завершение речи Твоей? Вот из-за этого братья мои услышали (сие) и отчаялись, и перестали воспринимать то, каким способом Ты излагаешь им (всё). А что до тех слов, что Ты сказал им, то, в час сей, Господь мой, если знание всего этого находится в сей Тайне – что за человек в мире сем обладает Силой понимания этой Тайны, вместе со всеми ее Знаниями и Типом всех тех слов, которые Ты говорил о нем?”

И вот, случилось, (что) когда Иисус услышал сии слова, сказанные Марией (Магдалиной), и (когда) он узнал, что ученики слышали, и что они начали отчаиваться, (то) Он ободрил их и сказал им: “Так не печальтесь (же), ученики Мои, из-за Тайны Несказанного, думая, что вы не постигнете ее. Истинно говорю Я вам, (что) Тайна сия принадлежит вам, и каждому, кто услышит вас, и отречется от всего мира и всего вещества в нем, и (каждому, кто) отречется от всякой нечестивой мысли в себе, и отречется ото всех забот века сего”».

Превосходство Марии Магдалины над другими собеседниками Иисуса, собравшимися у Масличной горы в Иерусалиме, особенно заметно в трактате на стр. 26, где Иисус сказал буквально следующее: «Мариам, блаженна ты, кого посвящу я во все таинства вышины, так говори же открыто, ибо ты – та, чье сердце всего более расположено к Царствию Небесному, нежели (сердца) всех твоих братьев». Уточнение этого пассажа следует чуть ниже, на стр. 28: «...когда Мария промолвила сии слова, Он (Иисус) сказал: «Отлично, Мария. Блаженна ты превыше всех женщин на земле, ведь станешь ты полнотой (πληρομα) всякой полноты и совершенством всех совершенств». Вероятно, именно под влиянием «Пистис Софии» и такого рода пассажей из нее даже родилась бывшая какое-то время назад популярной гипотеза о том, что Евангелие от Иоанна (несмотря на то, что самые ранние найденные его фрагменты датируются не ранее 125 – 128 гг.) было «на

самом деле» написано еще в 1-м веке Марией Магдалиной. И хотя автор этой новаторской мысли, высказанной в 1998 году (см. [статью](#) «Мария Магдалина – автор Четвертого евангелия?») и дополненной в 2006-м, Хусино Рамон, и опирается в обоснование своих мыслей, в первую очередь, на «Новый Завет и Библиотеку Наг-Хаммади», думается, что вряд ли он получил первичный импульс именно из этих источников.

Другой характерный пассаж мы находим на стр. 232–233, где Иисус, заметив, что все, кто стяжает тайнства Несказанного, пребудут с Ним в Его грядущем царствии, Он уточняет: «Но Мария Магдалина и Иоанн Девственник будут превыше всех Моих учеников». Таким образом, превосходство Марии (и, в данном случае, Иоанна) провозглашается также и на будущие «времена царствия». Здесь, к слову сказать, налицо некая демократизация сотериологических представлений по сравнению с тем, что мы видим, к примеру, в более раннем, чем «Пистис София», ортодоксальном Евангелии от Матфея (19:28: «Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, – в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых»). В «Пистис Софии» автор вкладывает в уста Спасителя обещания взять с Собою в Его грядущее царствие не только ближнее окружение из двенадцати апостолов, но и всех соучастников высочайшего таинства. Однако при этом наивысшие места в этом царствии займут Мария и Иоанн (опять же, важно, что Мария и здесь упомянута первой). Ни в одном другом христианском тексте подобной роли Марии и Иоанну не обещано. Тем временем, другие-то ближайшие сподвижники Иисуса как раз должны будут, после Его окончательного вознесения, продолжать нести Его учение граду и миру. Им не достанется таких привилегий, которые в нашем трактате обещаны Марии и Иоанну.

Но пока всё еще происходит в земных условиях, Мария выступает в роли своего рода заместителя Иисуса, как транслируя Его волю другим ученикам, так и говоря от лица всех присутствующих на этих тайных беседах: «Господь мой, не привнес ли Ты в мир сей (эти) Тайнства, относящиеся к бедности, и богатству, и слабости, и силе, и к напастям, и к звуку тел, словом, ко всему подобному? Чтобы, когда идем мы в (те или иные) места страны, а они не верят нам и не слушают слов наших, а мы свершаем такое Тайнство в тех местах, то узнали они поистине и достоверно, что проповедуем мы слова [Бога] Всего» (стр. 279).

Интересно также, что Мария уже знает, что следует делать ее сотоварищам для того, чтобы не попасть самим и не дать попасть другим в будущем в inferнальные лапы тех или иных архонтов (а таким знанием, помимо нее, обладает лишь только Иисус): «Мы уверенно вопрошаем обо всех вещах, ибо братья мои проповедуют их всем людям, чтобы не попасть им в лапы нечестивых Архонтов Тьмы, и спастись от лап нечестивых Восприемников Тьмы Внешней» (стр. 201). Также она и просит Спасителя за всех своих братьев (стр. 296): «Господь мой, будь милостив к нам и открой нам всё, о чем бы мы ни спросили Тебя, чтобы понять, каким образом братья мои будут проповедовать всему роду людскому».

В «4-й Книге», казалось бы, мы видим иную ситуацию с Марией, где она четырежды спрашивает Иисуса о тайнствах искупления, тогда как все прочие ученики, вместе взятые, делают это восемь раз. Вполне возможно, что Мария играет ключевую роль на утраченных восьми страницах этой книги, но возможно и обратное – что она там не фигурирует вовсе (впрочем, не забудем, что раннехристианские писатели упоминают некий текст, по содержанию очень близкий «4-й Книге» – «Вопросы Марии», и возможно, что это именно он и есть, по крайней мере, в одной из своих версий, представленный в Кодексе Эскью в коптском переводе без названия, и, таким образом, первый из двух вариантов более вероятен). Но кое в чем картинка, рисуемая в этой «4-й Книге», и вправду иная, чем в

Книгах 1–3. Например, Иисус никак не оценивает в ней качество речей Своих собеседников, включая Марию, просто благословляя их всех разом. Однако в одном месте Мария всё же сама демонстрирует свое спиритуальное и ментальное превосходство над другими учениками (см. стр. 360 коптского текста): «Господь мой, открой же нам, каким образом души похищены путем воровства, *чтобы братьям моим также было понятно*». Таким образом, она-то всё понимала и без дополнительных уточнений. Тем не менее, текст заканчивается коллективным молебном о спасении от наказаний за грехи, в котором участвует и Мария, что подразумевает ее опасения также быть при случае подвергнутой таким посмертным наказаниям (представить себе прямо подобное в Книгах 1–3 значительно сложнее, т.к. там, как мы уже видели, Мария была названа «чистым духом», что подразумевало невозможность ее худшей посмертной участи).

Есть и еще один интересный момент. В «4-й Книге» Петр возмущается не Марией, но всеми присутствующими женщинами сразу, а именно – тем, что они задают слишком много вопросов (тогда как на стр. 58 и 162 «основного текста» он нападает именно на Марию), причем, что любопытно, в данном случае (в первых книгах «Пистис Софии» Иисус занимал именно сторону Марии) Иисус соглашается с тем, что мужчинам тоже надо дать возможность задать столько вопросов, сколько им надо (стр. 377). Но и после этого Мария смогла задать один вопрос, будучи выслушанной и удостоенной ответа (стр. 383): «Мариам (же) сказала: “Человек, который совершал всякий грех и всякое беззаконие и не отыскал Таинств Света, получит ли он наказание за всё это одновременно?” Иисус ответил: “Да, он получит его. Если он совершил три греха, он получит наказание за три (греха)”».

Интересно еще и то, что здесь, в «4-й Книге», вообще не идет речь ни о каком духовном соперничестве между учениками, в том числе по гендерному признаку. Все они задают Иисусу относительно простые вопросы, и в этом не отличаются друг от друга, как не выделяет их каким-либо образом индивидуально и автор повествования. Таким образом, в «4-й Книге» Мария по-прежнему наиболее активна среди учеников Иисуса, но, в то же время, уже не занимает среди них исключительное положение, как в «основном тексте» Пистис Софии.

Таким образом, и в трех первых книгах, и в т.н. 4-й Книге «Пистис Софии», по моему мнению, роль женского начала, как на метафизическом плане (в лице самой Веры-Премудрости, или Пистис Софии), так и на земном плане (в лице, прежде всего, Марии Магдалины), заслуживает особенно пристального внимания, а значит, и дальнейшего изучения.

Использованная «бумажная» литература (включая *):

Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии / Ин-т науч. атеизма. Пер., прим. и коммент. И.С. Свенцицкой, М.К. Трофимовой. – М.: Мысль, 1989.

Блаватская Е.П. Пистис София / Предисл. Б. Зиркова // Блаватская Е.П. Скрижали Кармы. – М.: Сфера, 1995, с. 114–218.

Высокий герметизм / Пер. с древнегреч. и лат. Л.Ю. Лукомского. Под ред. Р.В. Светлова. – СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001.

Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада / Сост., коммент., пер. с др.-греч., лат., фр., англ., нем., польск. Константина Богуцкого. – К.: Ирис; М.: Алетейя, 1998.

Кефалайя (Главы). Коптский манихейский трактат / Пер. с коптск., исслед., коммент., глоссарий и указ. Е.Б. Смагиной / Ин-т Востоковедения РАН; редкол. Б.Г. Гафуров и др. – М.: Восточная литература, 1998 («Памятники письменности Востока»).

Козырев, А.П. Соловьев и гностики. – М.: Издатель С.А. Савин, 2007.

Премудрость Иисуса Христа. Апокрифические беседы Иисуса с учениками / Пер., вступ. статья и лингв. комментарии А.И. Еланской. – СПб.: Алетейя, 2004 (Б-ка «Христианского Востока»).

Сочинения гностиков в коптском Берлинском папирусе 8502 / Пер. с нем. и коптск., доп. примеч. А.С. Четверухина. – СПб.: Алетейя, 2004.

Трофимова М.К. IV Книга Pistis Sophia (начало) // Вестник древней истории. 1999, №4.

Трофимова М.К. IV Книга Pistis Sophia (окончание) // Вестник древней истории. 2000, №1.

Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма: Наг-Хаммади, II, сочинения 2, 3, 6, 7. – М.: Наука, 1979.

Трофимова М.К. Мария Магдалина коптских гностических текстов // Женщина в античном мире. – М., 1995, с. 168–181.

Трофимова, М.К. «Пистис София», фрагменты [гл. 1–31, 111–113]: Из коптских гностических текстов // Балканские чтения. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тезисы и мат. симпозиума. Ч. II. / Ин-т Славяноведения и Балканистики РАН, Междунар. рекл.-инф. аг-во «Русская пресс-служба», Междунар. фонд югославских иссл. и сотр-ва «Славянская летопись». – М.: Радикс, 1994 (Знаки Балкан, 3), стр. 46–47, 233–270.

Hippolytus. Refutatio omnium haeresium... / Ed. by Miroslav Marcovich. – Berlin: W. De Gruyter, 1986 (Patristische Texte und Studien, 25).

Koptisch-gnostische Schriften. Bd. 1: Die Pistis Sophia. Die beiden Bücher des Jeû. Unbekanntes altgnostisches Werk / Hrsg. C. Schmidt; 4Aufl., um das Vortwort erweiterte Aufl. von H.-M. Schenke. – Berlin: Akademie-Verlag, 1981 (GCS. 45).

La Pistis Sophia. Ouvrage Gnostique de Valentin / Trad. du Copte en français avec une introd. E. Amélineau. – Paris, 1895.

Marjanen A. Mary Magdalene in Pistis Sophia // The Woman Jesus Loved: Mary Magdalene in the Nag Hammadi Library and Related Documents. – Leiden; New York; Köln: E.J. Brill, 1996 (Nag Hammadi and Manichaean Studies, 40).

Parrot Douglas M. (introd. & transl.). Eugnostos the Blessed (III, 3 and V, 1) and The Sophia of Jesus Christ (III, 4 and BG 8502, 3) // Robinson, James M. (gener. ed.). The Nag Hammadi Library in English / 3rd, compl. rev. edition with an afterword by Richard Smith, manag. editor. – S-F: HarperSanFrancisco, 1990, p. 220–243.

Pistis Sophia. A Gnostic Miscellany. Being for the most part Extracts from the Books of the Saviour, to which are added Excerpts from a Cognate Literature / Englished; Introd., annot. bibliogr. by George Robert Stewart Mead. – London: J.M. Watkins, 1896. [2nd ed. 1921, reprinted: University Books, 1974].

Pistis Sophia. Opus gnosticum Valentino. Adiudicatum e codice manuscripto coptico Londinensi descriptum. Latine vertit Möriz Gotthilf Schwartz / Ed. Julius Heinrich Petermann Petermann. – Berolini: Ferd. Duemmler Libraria, 1851 (1853).

* Pistis Sophia. Otteita gnostilaisista kirjoituksista ennen kaikkea “Vapahtajan kirjoista” 3:nnelta vuosisadalta j. Kr. / Suomennos G.R.S. Meadin englantilaisen käännöksen uuden korjatun painoksen mukaan. – Helsinki: Helsingissä Mystica, 1927 (Maailman Pyhät Kirjat. Valikoima Suomennoksia Toimittanut Pekka Ervast, IV).

Pistis Sophia / Text ed. by Carl Schmidt; Transl., notes by Violet McDermot. – Leiden: E.J. Brill, 1978 (Nag Hammadi Studies, 9).

The Books Of Jeu and The Untitled Text in the Bruce Codex / Text ed. by Carl Schmidt; Transl., notes by Violet McDermot. – Leiden: E.J. Brill, 1978 (Nag Hammadi Studies, 13).